

Книги
ДЖЕЙМСА ХЭДЛИ ЧЕЙЗА
в серии
«Звезды классического детектива»

Лучше бы я остался бедным
♦
Весна в Париже
♦
Сильнее денег
♦
Перстень Борджиа
♦
Шутки в сторону
♦
Дело о наезде
♦
Запах денег
♦
Карьера убийцы
♦
Он свое получит
♦
Весь мир в кармане
♦
Ты за это заплатишь
♦
Карточный домик
♦
Итак, моя радость...
♦
Без денег ты мертвец
♦
Нет орхидей для мисс Блэндиш
♦
Считай себя покойником
♦
Получи по заслугам
♦
Свобода – опасная вещь
♦
Двойная подтасовка
♦
За все надо платить
♦
Не мой уровень
♦
Реквием блондинке
♦
Если вам дорога жизнь
♦
Туз в рукаве

Джеймс Хэдли

ЧЕЙЗ

ТУЗ В РУКАВЕ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

ТУЗ В ПУКАВЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Хельга Рольф в норковом манто, накинутом на плечи, пересекала вестибюль отеля «Кёнигсхоф», мельком отметив, что два толстых немецких бизнесмена вовсю пялят на нее глаза, причем эти глаза оценили все: и манто, и черный костюм, и алую блузку, и отороченную норкой шляпу. Глаза явно одобряли то, что видели, но она уже привыкла читать в глазах мужчин одобрение. И это мало интересовало ее, она нуждалась в чем-то большем, нежели простое одобрение.

Она уронила ключ от номера на стойку, и дежурный, кланяясь, подхватил его, словно это была невесть какая драгоценность.

— Прикажете подать вашу машину, мадам?

Его гортанный английский раздражал ее. Сама она бегло говорила на немецком, французском и итальянском, но он знал, что она американка, а по его понятию, американцы могли говорить только по-английски.

— Нет... Я иду за покупками, — ответила она по-немецки. — Я уезжаю завтра в восемь утра. Будьте любезны, проследите, чтобы моя машина была полностью подготовлена.

— Слушаюсь, мадам. — Он упорно продолжал говорить по-английски. — Завтра к восьми я подготовлю счет. Еще какие-нибудь пожелания?

Она покачала головой и сунула руки в рукава манти, прежде чем мальчик в униформе успел подбежать и помочь ей. Одарив разочарованного парнишку улыбкой, она вышла из отеля.

Небо над Бонном было свинцовое, резко похолодало. Редкие хлопья снега уже начали падать на асфальт, тут же тая, и тротуар стал мокрым и скользким.

Хельга ненавидела холод. Зябко поежившись под пышным дорогим манти, она прибавила шагу, стараясь разогреть тело, разнеженное гостиничным теплом.

Пройдя под университетской аркой, она приостановилась, пропуская поток быстро бегущих автомобилей, затем перешла улицу и направилась к торговому центру, где движение машин было запрещено.

Уже 11:35. Проснулась она поздно. Накануне вечером ушла в свой номер сразу после обеда. А что еще делать одинокой женщине в чужом большом городе, как не лечь спать сразу после обеда? Она знала: метрдотель не любит, когда женщины заходят в ресторан без спутника, но на него произвели должное впечатление и ее норковая накидка, и бриллианты. И он обслуживал ее по высшему классу, не сомневаясь, что получит щедрые чаевые. Она ела быстро, с раздражением отмечая, как пялятся на нее все эти боровы, немецкие бизнесмены, тоже обедающие в одиночестве и наверняка ломающие голову, кто же она такая. Закончив обед, она тут же вышла и поднялась на лифте на свой этаж. Снотворное на столе. Сон — единственное противоядие от одиночества.

Теперь, быстро шагая, она окунулась в толпу, текущую по свободной от машин улице, мельком отмечая,

с какой завистью оглядывают женщины ее манто. Да, действительно, прекрасное манто, муж выбирал его для нее сам, в одну из тех редких минут, когда хотел доставить ей удовольствие. Она знала, что норка сейчас не в моде, но все равно — роскошное и элегантное манто. Да и что значит мода в ее возрасте? Возраст? Какой там возраст! Она даже приостановилась на секунду — поймать свое отражение в витрине. Сорок?.. Или сорок три?.. Какое значение, в конце концов, имеют эти три года? В витрине она видела стройную фигуру, лицо под безупречным макияжем, с высокими скулами, огромными синими глазами, породистым носом. Сорок три? Да она выглядит на тридцать даже сейчас, несмотря на колючий восточный ветер и свинцовые облака.

Она перевела взор со своего отражения на отражение высокого мужчины, застывшего посреди тротуара и явно не сводящего с нее глаз. Бейсбольное кепи с козырьком, черная кожаная куртка, бледно-голубые джинсы и красная ковбойка со всей очевидностью свидетельствовали о том, что незнакомец — не кто иной, как ее соотечественник. Он был молод — где-то около двадцати — и жевал резинку. В Бонне полно американцев: солдат в увольнении, молодых людей, совершающих турне по Европе, неизбежных туристов. Хельга достаточно долго прожила в Европе, чтобы научиться презирать американцев, оказавшихся за рубежом. Особенно раздражала ее эта неизбежная жвачка. Она отвернулась и вошла в большой универмаг. Ей были нужны колготки, но, остановившись перед прилавком, на котором были разложены шерстяные дамские панталоны, она поглядела на них с вождением. Она сильно замерзла, но все же устояла перед соблазном приобрести этот наверняка такой теплый викторианский предмет туалета. А вдруг

она попадет в аварию? Какой позор, когда тебя будут раздевать, пусть даже медсестра, оказаться вдруг в таком одеянии.

Купив колготки, она, наслаждаясь теплом, бесцельно побродила по магазину, разглядывая товары, затем, вспомнив, что время у нее ограничено, взяла себя в руки и вышла под ледяной восточный ветер.

Жующий жвачку американец стоял, прислонившись к фонарному столбу, руки в карманах джинсов. Тут она вгляделась в него попристальнее и вдруг ощутила, как ее захлестнула непреодолимая, острая волна желания. Великолепный экземпляр, подумала она. От него так и веет чувственностью. Черты лица славянские: квадратная челюсть, большие, широко расставленные глаза, короткий тупой нос. И еще в нем было совершенно неотразимое мальчишеское очарование.

Она отвела взгляд и двинулась дальше. «О чем я только думаю! Да он по возрасту мне в сыновья годится». И она вдруг рассердилась на себя за то, что вид какого-то мальчишки мог так взволновать ее.

Она свернула на вторую торговую улицу, делая над собой усилие, чтобы не обернуться и не посмотреть, идет ли он следом. «Да какого, собственно, черта?! Совсем ребенок, он мне в сыновья годится...» Приостановилась, разглядывая витрину с обувью. Витрина мало интересовала ее — выставленные там туфли были не фабричного, а ручного производства. Но зато можно было заглянуть в зеркало, стоявшее в глубине. И она успела заметить: он не отстал и снова стоит и смотрит на нее, привалившись широкими плечами к фонарному столбу.

Она сжала руки в кулаки и почувствовала, как по телу прошла волна горячей крови. Она уже не ощущала ни ветра, ни холода и, словно летя, стала ухо-

дить от него. «Ну чем я могла его заинтересовать?» — рассуждала она. Мимо прошла девушка, совсем еще молоденькая блондинка, в брючках типа рейтуз, которые так обтягивали ее задик, что она казалась голой. У нее было всеведущее лицо взрослой женщины, которая познала все, и одновременно достаточно юное, чтобы понять, что энтузиазм жизни в ней еще не иссяк. Хельга с завистью посмотрела на нее и подумала: «Вот сейчас он увидит эту маленькую шлюшку и тут же от меня отстанет».

Она вошла в кафетерий и села подальше от окна. Пока она снимала перчатки, подошел официант, и Хельга заказала чашку кофе. Она запретила себе смотреть в окно. Слегка дрожащими пальцами закурила сигарету. Дисциплинированно просидела над кофе полчаса. Если он все еще ждет, она заговорит с ним. И вдруг поймала себя на том, что бормочет слова молитвы, прося Бога сделать так, чтобы он ждал.

Ровно в 12:30 она раздавила сигарету в пепельнице, заплатила по счету, накинула манти и вышла.

Он стоял напротив, через улицу, жуя резинку, руки по-прежнему в карманах джинсов. Она уже было совсем собралась подойти к нему, но вдруг остановилась. Хотя теперь было совершенно ясно, что он хочет вступить с ней в контакт, она вдруг испугалась последствий этого контакта.

Резко развернувшись, она зашагала к отелю. Прошла несколько ярдов, остановилась, обернулась. Они посмотрели друг другу в глаза, он дотронулся до козырька кепи, и лицо его осветила смущенная мальчишеская улыбка.

— Что вам надо? — спросила она.

Мимо торопливо сновали люди. Они застыли, как две скалы в бурном потоке.

Теперь, находясь совсем рядом, она так сильно ощутила исходящий от него молодой животный магнетизм, что ноги у нее внезапно ослабели.

Улыбка на его лице стала еще шире.

— Ну, просто вы, мэм... вы с виду такая славная и симпатичная, — начал он. Голос был мягкий, и слова он старался выговаривать как можно отчетливее. — Первый симпатичный человек из всех американцев, что ошиваются в этом городе. Извините... Если я вам в тягость, только скажите слово — и я смоюсь.

— Нет... вы мне не в тягость. — Она вдруг страшно рассердилась на себя за то, что произнесла эту фразу чересчур пылко.

Какой-то толстяк в кожаной шляпе с перышком натолкнулся на нее, и она отступила на шаг. Девушка в мини-юбке с толстыми пурпурными от холода ногами обошла ее, не отрывая глаз от молодого человека, жующего резинку. И Хельга вдруг почувствовала прилив гордости: он даже не взглянул на эту девушку, тряхнувшую длинными непромытыми волосами, когда она поравнялась с ним.

После паузы Хельга сказала:

— Я как раз собираюсь завтракать. Вы голодны?

Улыбка стала еще шире.

— Ясное дело, и даже очень. Проблема в том, что я сейчас на мели. Два дня ничего не ел.

Она помрачнела. Умный мальчик, нечего сказать! Подцепил на улице одинокую женщину, по возрасту годящуюся ему в матери, и тут же закинул удочку.

— Что ж, двое — это уже компания. Я не люблю есть в одиночестве, — сказала она. — Идемте.

Она повернулась и зашагала по улице, пока не дошла до первого дешевого ресторана. Он шел следом, и она слышала, что он напевает какую-то мелодию. А чего ему не петь? Идет обедать за чужой счет.

Она толкнула тяжелую стеклянную дверь и остановилась. Никогда прежде ей не доводилось бывать в заведениях такого низкого класса. Но раз надо покормить его, то она будет кормить его здесь. Не вести же в отель. Можно представить, какая у метрдотеля будет физиономия, когда он увидит ее вместе с этим типом в своем роскошном ресторане.

Она оглядела зал. Везде сидели люди и ели, и она с огорчением заметила, что здесь нет столиков на двоих. Каждый на шесть человек, и за каждым люди.

Однако парень, похоже, ничуть не смутился. Он подхватил ее под локоть и провел к столику, за которым сидела чета пожилых немцев с неуклюжей и некрасивой дочерью и прилежно поглощала вареные сосиски с квашеной капустой.

Хельга скинула манто, и они уставились на нее во все глаза. Парень подхватил манто и бережно повесил на крючок, вбитый в стенку у столика. Они уселись напротив. Она обнаружила, что сидит бок о бок с отцом семейства и даже чувствует исходящее от него тепло. Парень же оказался рядом с девушкой, которая сперва смущенно от него отодвинулась, а потом, глупо улыбаясь, пялилась на него уже вовсю. Он этого не заметил, он искал глазами официанта. Напряженное выражение лица и туго обтянувшая скулы кожа подсказали Хельге, как он голоден, и ее кольнула жалость.

Наконец официант подошел. Бросил на стол два меню и тут же отошел обслужить соседний столик.

Парень взглянул на написанное от руки меню и скроил гримасу:

— Этот язык меня доконает.

Официант вернулся и вопросительно посмотрел на Хельгу, потом — на него, словно не зная, кому отдать предпочтение. Тут Хельга сделала знак рукой, давая ему понять, что заказывать собирается она.

— Фасолевый суп, бифштекс и картошку фри — один раз, а мне омлет, — сказала она. — Два пива.

Официант кивнул и удалился.

Немецкое семейство, услышав, как бегло говорит Хельга по-немецки, с любопытством воззрилось на нее, потом они все же отвели глаза.

— Так вы говорите на этом языке, мэм? — В голосе паренька звучало восхищение. — Да, вам проще, меньше головной боли. — Он наклонился вперед и положил большие сильные руки на стол. — Я — Ларри Стивенс.

Она улыбнулась:

— Хельга Рольф.

— Я из Небраски.

— Флорида.

Настала пауза, во время которой они разглядывали друг друга, причем в его глазах светилось восхищение, а в ее — остороженность и надежда.

— Вам, наверное, будет удобнее, если вы снимете кепи? — Она тут же пожалела о своих словах. Ведь американцы, похоже, рождаются и живут в головных уборах.

Он покраснел, сорвал с головы кепи и сунул под стол, на колено.

— Пардон, мэм. Деревенщина я неотесанная. Со всем забыл, что на мне эта штука.

Она взглянула на него еще раз — короткая стрижка, светлые волосы, затем стала изучать его лицо и снова ощутила жаркий прилив желания.

Подали пиво.

— За вас, мэм, и за наш флаг! — сказал Ларри и приветственно поднял кружку, удовлетворенно вздохнул и сказал: — Я вам ужасно благодарен. — И улыбнулся теплой, дружеской улыбкой, от которой

ей вдруг стало радостно и легко. — А то уж думал — совсем пропал.

Подали еду. Она, лениво ковыряя омлет, смотрела, как он ест. Соседи за столом тоже смотрели. Суп исчез моментально. За ним немедленно последовал большой бифштекс с горкой картофеля фри. Он ел сосредоточенно и целеустремленно, как обычно едят только очень голодные люди. Время от времени он с полным ртом поднимал на нее глаза и улыбался. Теплоота его улыбки растрогала ее почти до слез — давно она не видела, чтобы кто-нибудь так улыбался. И она опустила голову над остатками омлета и нахмурилась, не желая показывать ему свои чувства.

Немцы попросили счет и поднялись из-за стола. Ларри положил вилку.

— Да, это было нечто, мэм. Это было нечто...

Она заметила, с каким сожалением он оглядывал пустую тарелку, и сделала знак официанту.

— Нам понравилось, — сказала она, — будьте любезны, повторите заказ.

Официант взглянул на нее, потом на Ларри, и широкая улыбка осветила его толстое лицо. Он подхватил пустую тарелку и поспешил на кухню.

— Что вы ему сказали, мэм? — спросил Ларри немного подозрительно.

— Здесь обычно дают двойные порции, — ответила Хельга. — Сейчас будет еще бифштекс.

Его улыбка стала совсем уж мальчишеской.

— О, я с удовольствием! — Он подался вперед и посмотрел ей прямо в глаза. — Я хочу, чтоб вы знали, мэм, я, честное слово, ценю это. — Он тряхнул белокурой головой. — Смешно, но, когда попадаешь в какую-нибудь передрыгу, обычно находится выход. Обязательно случается что-нибудь хорошее. Рон так говорил, а я ему не верил. Всё же люди помогают друг

другу. Вот вы мне помогли... — Он откинулся на спинку стула. — Может... и я смогу вам чем-нибудь помочь. Буду рад.

— Как знать... — Мысли ее переключились на прошлое. Да, встречались в ее жизни люди, которым она помогала, но теперь это бесплотные тени. Да и кому придет в голову, что она нуждается в помощи, раз муж ее так богат и занимает такой высокий пост.

Прибыла вторая порция бифштекса с картошкой.

— Вы уж простите, мэ, но это выглядит так аппетитно...

Она закурила и продолжала думать о прошлом. Помощь? А что такое помощь? Легко дать денег, если они у тебя есть. Нет, это не помощь, во всяком случае не для нее. Поделиться чем-то сокровенным... избавиться от этого ужасного одиночества — вот в какой помощи она нуждалась. Но много ли людей способны дать ей это?..

Она тряхнула головой, отгоняя эти мысли, и стала смотреть, как он расправляется с бифштексом. Наконец он положил вилку и откинулся на спинку стула.

— Давненько я так не ел! Все очень вкусно, мэ.

Подошел официант, и она заказала яблочный штрудель со сливками и кофе. Потом, когда он уже забирал пустую тарелку, спросила:

— А что вы делаете в Бонне?

— Вопрос по существу! — рассмеялся Ларри. — Я и сам бы хотел знать. Так, просто проездом. — Он снова подался вперед, сцепив сильные пальцы и сдвинув широкие плечи. — Дело в том, что я как бы учусь. Мой старик сказал: неплохо бы тебе побывать в Европе, посмотреть, попутешествовать. Хотел, чтобы я посмотрел Европу, прежде чем устраюсь на работу и осяду в Штатах. Ну вот и болтаюсь тут. Начал с Копенгагена, потом поехал в Гамбург. А сейчас вот здесь.

Старик, конечно, дал маленько денег, но я их потерял, так что, думаю, придется подыскать какую-нибудь работенку. — Он пожал плечами, все еще улыбаясь. — Чего-нибудь да найду... По правде сказать, еще всерьез не искал. Старик ждет меня не раньше чем через полгода. Он как знал, что я могу оказаться на мели. Сказал, что это только пойдет мне на пользу, если придется поднапрячься и заработать самому на жизнь в Европе. Мой старик считает, что я должен научиться жить самостоятельно. — Он замолк и, улыбаясь, взглянул на Хельгу. — Он, вообще-то, чудак, но я его люблю.

Подали десерт и снова наступило молчание: Ларри ел. Затем, уже за кофе, она спросила:

— Ну и что же вы собираетесь делать?

Он пожал плечами:

— Осмотрюсь, буду искать. Уж кому-нибудь да пригожусь, мэм.

— Но вы даже не знаете языка.

Он рассмеялся, и она позавидовала его уверенности.

— Да меня всегда поймут. — Он взмахнул руками. — Пока у человека есть руки, язык не обязателен.

Она взглянула на часы. Через полчаса у нее встреча с поверенным мужа.

— Хотите поехать в Швейцарию? — спросила она, чувствуя, как быстро забилося у нее сердце.

— В Швейцарию? — Он удивленно посмотрел на нее. — Мне, вообще-то, все равно куда.

— Водить машину умеете?

— Ясное дело.

Она открыла сумочку из кожи рептилии, достала три купюры по сто немецких марок каждая.

— Я остановилась в отеле «Кёнигсхоф». Уезжаю в Швейцарию завтра утром, в восемь. Мне нужен водитель. Хотите поехать со мной?

Он, не раздумывая ни секунды, кивнул. Она сунула купюры под блюдце, встала и потянулась за манти.

— Тогда я вас жду. — Она надела манти, а он продолжал сидеть, подняв на нее глаза, в которых застыло недоумение. — Уплатите по счету. — Она улыбнулась, поймав себя на том, что улыбка вышла не слишком официальная. — Ну, до встречи, Ларри.

Он вскочил, едва не перевернув стол, но она уже вышла из ресторана на улицу под валящий тяжелыми хлопьями снег. Впервые за долгие месяцы она чувствовала себя молодой.

Выбираясь из глубокого и тяжелого, вызванного таблетками сна, Хельга ощущала тревогу — наверняка проспала. Включив ночник на тумбочке, взглянула на часы: всего 6:50. Она с облегчением откинулась на подушку. Вчера, перед тем как лечь спать, она упаковала два чемодана и велела отнести их в машину. Теперь можно спокойно, не торопясь, одеться и посидеть за чашкой кофе, дожидаясь восьми.

Вчера вечером, снова обедая в одиночестве, и потом в номере, уже в постели, ожидая, когда подействует снотворное, она перебирала в памяти все детали знакомства с Ларри Стивенсом.

И когда она думала о том, что наделала, ей становилось стыдно. Она вела себя точь-в-точь как пожилые американки, попавшие за границу. Эти жуткие и жалкие женщины, пытающиеся завести поздний роман, доставали барменов, строили глазки швейцарам в лихорадочных поисках мужчины, который помог бы им скоротать часы одиночества, перед тем как автобус или поезд унесет их дальше продолжать бессмысленную и утомительную туристическую поездку.

«Но чего мне стыдиться? — спрашивала она себя. — Конечно, я вела себя довольно легкомысленно,